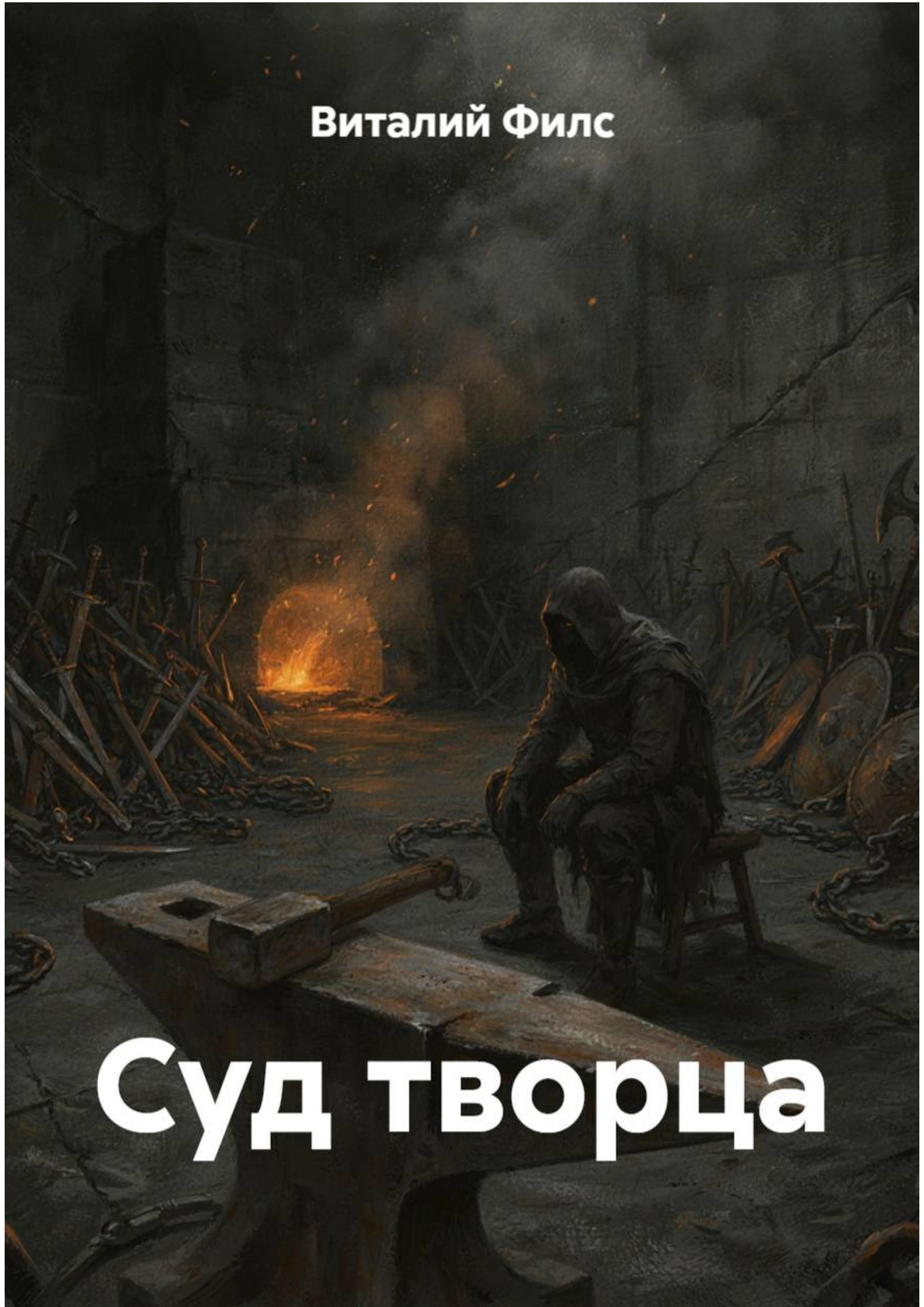

Виталий Филс

Суд творца

Виталий Филс

Суд творца

«Автор»

2026

Филс В.

Суд творца / В. Филс — «Автор», 2026

«Суд творца» - философская притча, рассказанная языком магического реализма. Главный герой - кузнец, который не помнит, когда зажег огонь в своей кузне. Он ковал для тех, кто сверху, - цепи, которыми можно обвить горизонт. Для тех, кто посередине, - ножи, которые называли хлебом. Для тех, кто снизу, - замки, в которых прятались от себя. Он не спрашивал. Он не судил. Он присутствовал. Но присутствие без участия - самая чистая форма исчезновения. С каждым ударом молота кузнец забывает чуть больше. Свое имя. Свое прошлое. Разницу между собой и наковальней. Между подъемом и падением. Между жизнью и тем, что остается, когда огонь не гаснет, а ты - уже нет. Книга состоит из десяти глав, каждая из которых открывается тяжелым эпиграфом - лаконичной философской мыслью о природе творчества, памяти и забвения.

© Филс В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Филс

Суд творца

Суд творца

Эпиграф I

Молот падает - и металл меняется. Но металл не выбирал быть мечом. Он просто оказался между наковальней и ударом.

Глава первая. Цепь

Огонь не гаснет.

Я не знаю, сколько времени он горит. Я не знаю, когда я зажжёт его. Я помню только жар - и то, что жар всегда был. Он жрёт дрова, которые кто-то приносит. Или я сам их рублю. Я не помню. Руки помнят, а я - нет.

Сегодня пришли руки.

Они протянулись сквозь дым - белые, с длинными пальцами, без мозолей. Руки, которые никогда не держали молот. Они положили на стойку слиток. Тяжёлый. Холодный. С привкусом серебра. Я взял его - и почувствовал, что он хочет быть цепью. Не потому, что я умею чувствовать желания металла. Просто тяжёлые слитки обычно становятся цепями. Или оковами. Разницы я не вижу.

Я положил его в огонь.

Печь ворчала. Она всегда ворчит, когда я кормлю её чем-то новым. Я сидел на колоде и смотрел, как слиток краснеет. Дым щипал глаза. Я не моргал. Моргание - это отвлечение. А я не отвлекаюсь. Я смотрю, как красный переходит в жёлтый, а жёлтый - в белый. Белый - это готовность. Белый - это момент, когда металл перестаёт сопротивляться.

Я вынул щипцами. Положил на наковальню.

Первый удар - звонкий. Металл отскакивает, как живой. Второй - глуше. Он начинает понимать, что выбора нет. Третий - и он ложится. Расплющивается. Теряет форму слитка и принимает форму удара. Я бью. Бью. Бью. Руки поднимаются и падают сами. Я смотрю на них со стороны - или это я смотрю из них? Я не знаю, где я. В плечах. В молоте. В искре, что вылетает и гаснет в воздухе.

Пот льётся в глаза. Я не вытираю. Соль жжёт - и я помню, что у меня есть лицо. Но только пока жжёт. Потом снова забываю.

Цепь выходит длинной. Тяжёлой. Каждое звено - удар. Каждое звено - пауза. В паузе я слышу дыхание за спиной. Тот, кто принёс слиток, стоит и смотрит. Я не оборачиваюсь. Оборачиваться - значит, признать, что он есть. А я не признаю никого. Я признаю только наковальню. Она не лжёт. Она звенит честно.

Последнее звено. Я сгибаю его, поддеваю крюком, соединяю. Цепь готова. Тяжёлая. Глухая. Она лежит на наковальне и не шевелится - уже поняла, что сопротивляться поздно.

Руки за спиной забирают её. Я слышу шорох - тяжесть уходит. Потом хлопанье двери. Или это ветер. Или это печь проглотила очередную щепку. Я не разбираю.

Я остаюсь один.

Огонь трещит. Наковальня остывает - медленно, упрямо, как всё, что я делаю. Я смотрю на пол. Там, у края кузницы, лежит капля. Маленькая. Застывшая. Она отскочила от наковальни, пока я бил. Я не заметил, когда. Я поднимаю её. Острая. Неровная. Не похожа ни на что. Это ошибка. Это обломок. Это то, что не вошло в цепь.

Я кладу её на полку. Рядом с клещами. Рядом с зубилом.

Завтра - или через год, или через миг - я положу туда ещё одну. И ещё. Пока полка не станет тяжелее, чем я сам. Пока я не пойму, что коллекционирую не обломки. Я коллекционирую то, что осталось от меня. Кусочки, которые отскочили. Которые не вошли. Которые никто не забрал.

Я сажусь на колод. Смотрю в огонь.
Огонь не гаснет.

Эпиграф II

Те, кто сверху, не просят - они требуют. Но требования тоже нужно выковать.

Глава вторая. Нож

Пришли руки с мозолями.

Не такими, как у меня. Мозоли эти были аккуратные, ровные, как будто кто-то долго учился держать перо. Они положили на стойку узкий слиток. Легкий. С привкусом меди. Я взял его - и почувствовал, что он хочет быть острым. Все лёгкие слитки хотят быть острыми. Они не знают, зачем. Они просто легче воздуха, и им нужна точка, чтобы упереться.

Я не спросил, для чего.

Спрашивать - значит, участвовать. А я не участвую. Я присутствую. Это разные вещи. Участвовать - значит, выбирать сторону. Присутствовать - значит, быть свидетелем собственного дыхания в дыме.

Положил в огонь.

Слиток краснел быстро. Слишком быстро. Лёгкий металл не умеет ждать. Он горит, пока ты не смотришь. Я вынул раньше, чем хотел. Он был ещё непослушен. Но я начал бить.

Первый удар - звонкий, почти смешной. Как будто кто-то постучал в пустую дверь. Второй - глубже. Металл вздрогнул. Третий - и он вытянулся, задрожал, стал плоским. Я не остановился. Я бил, пока он не стал тонким. Потом тоньше. Потом - лезвием.

Я делал рукоять из обрезка кожи. Она лежала у меня в ящике - сухая, потрескавшаяся. Я не помню, откуда она. Может, кто-то принёс. Может, я сам снял её с чего-то. Я обернул металл. Плотно. Чтобы ладонь чувствовала вес.

Руки за спиной забрали нож.

Я слышал, как они шептались. Не слова - только ритм дыхания. Один вдох короче другого. Кто-то волновался. Кто-то ждал. Потом дверь. Хлопок.

Я остался с мыслью, которую не смог удержать.

Мысль была о тишине. О той, что бывает между словами, когда человек говорит - для хлеба, а значит - для горла. Я слышал эту тишину. Она тяжелее металла. Металл можно перековать. А тишину - нет.

Я посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от усталости. От того, что они помнили чужое дыхание.

Я положил молот. Взял каплю с пола. Ещё один обломок. Ещё один кусочек, который отскочил. Я кладу его на полку. Рядом с первым.

Теперь их два.

Эпиграф III

Те, кто посередине, говорят - для хлеба. Я слышу тишину между словами.

Глава третья. Замок

Пришли руки, которые тряслись.

Они положили на стойку кусок чугуна. Тёмный. Грубый. С запахом сырости. Я взял его - и почувствовал, что он хочет быть стеной. Но стена не нуждается в кузнеце. Стена просто есть. А они просили дверь. Значит, они хотели запереться. Или запереть кого-то.

Я не спросил.

Положил в огонь. Чугун грелся долго. Он не хотел становиться мягким. Он сопротивлялся, как всё, что приходит снизу. Снизу не просят - они умоляют. Но умолять тоже нужно уметь. А я не умею слышать просьбы. Я слышу только металл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.